

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Последний зверь Хемингуэя...

Повествование — исследование, размышление в новеллах — о главном герое, его жизни и смерти, о некоторых других творческих личностях, также подверженных болезни суицида, а также об охоте на большую рыбу, различные зверьё, и айсберг на мели...

У жизни не бывает хорошего конца...

Режиссёр Сергей Бондарчук

Мы-то знаем, чем это всё кончается...

Иосиф Бродский

Мужчина не имеет права отдать богу душу в постели.

Либо в бою, либо пуля в лоб.

Эрнест Хемингуэй

Именно так, согласно своей же установке, приведённой мною в третьем эпиграфе, поступил кумир нескольких поколений читающей публики Эрнест Хемингуэй. Сведя счёты с жизнью в своём доме в городке Кетчум (штат Айдахо) 2 июля 1961 года. В половине восьмого утра, скинув с правой ноги сандаль и выстрелив себе в голову сразу из двух стволов любимого им дробовика Vincenzo Bernadelli, нажав большим пальцем ноги на спусковой крючок...

Я ведь ещё хорошо помню, хотя тогда ещё учился в школе, и не был знаком с произведениями Хемингуэя, что в середине двадцатого века, пожалуй, в каждой квартире советского интеллигента на стене висел портрет Хемингуэя в грубом свитере под горло, с седой бородой. Его не только читали — им восторгались, ему подражали, его любили. Он был символом эпохи — уходящей эпохи сильных, немногословных мужчин и преданных женщин.

Впоследствии я купил портрет Хемингуэя в Ленинграде. Это было в семидесятые годы прошлого века. К тому времени, в основном в студенческие годы, я прочёл уже все его произведения, изданные к тому времени в Советском Союзе. И уже сам, правда, весьма робко пытался заниматься литературой. А портрет Хемингуэя висел в моей комнате, в родительской квартире. Поскольку Хемингуэй на долгие годы стал моим литературным кумиром...

Так почему же, пожалуй, один из самых знаменитых и значимых писателей двадцатого века вдруг решил свести счёты с жизнью? Да ещё таким жутким кровавым способом?

Почему? И вдруг ли? И какого последнего зверя этот страстный охотник, «старина Хэм», как называли его многочисленные поклонники, стремился убить в са-

мом себе? Попытаемся разобраться в этом, при помощи самого же Хемингуэя. Где ответами на вопросы будут герои его произведений. То есть, как бы, сам автор. Впрочем, успех подобной попытки, увы, не гарантирован. Он лишь предполагаем. Поскольку слишком уж непростой личностью был этот самый «старина Хэм». Не то герой — стойкий, бесстрашный и сильный, не то гений, не то законченный алкоголик, не то безмерный враль, похлеще самого барона Мюнхгаузена, особенно если дело касалось охоты, рыбалки и женщин...

Думаю, стоит, хотя бы коротко, сказать об избранном мною жанре этого, очень непростого для меня по многим причинам, повествования. В коем будут угадываться две основные авторские вольности: кажущаяся хаотичность излагаемого материала и, по мере необходимости, смещение временных рамок.

И то и другое я намереваюсь сделать преднамеренно.

Смещение временных рамок позволит людям, жившим в разное время и даже в разные эпохи, «встретиться» на страницах сего повествования — исследования.

А несвязанность, как бы отдельность некоторых новелл, эпизодов, и даже небольших рассказов (если в том возникнет надобность), как я уже предупредил, надеюсь, будет только кажущаяся. Все они по отдельности будут представлять собой, словно бы, разноцветные камешки на берегу океана, лишённые, каждый по себе, какого бы то ни было особого смысла. Но, причудливо сложенные умелой рукой, они могут стать некой удивительной мозаичной картиной.

И картина эта будет тем заманчивее и совершеннее (хотя, в реальной жизни — ни абсолютной законченности, ни полного совершенства, увы, почти никогда не бывает), чем талантливее будет тот, кто будет её кропотливо и старательно выкладывать. И тут уж всё зависит от Творца, который может наделить, в данном случае пишущего человека, даром провидения — талантом, способным при помощи слов нарисовать не только видимую картину мира. Но, что ещё более важно, дать ему возможность нарисовать картину и невидимую, скрытую от мимолётных взоров большинства. Будто увидев под огромной толщей воды всю величественную подводную часть айсберга, являющуюся душевными переживаниями исследуемого автором героя.

Так вот, всё это Творец может милостиво дать, а может и не дать автору, дерзновенно решившему исследовать зачастую тёмные, глубинные воды души человеческой...

И всё-таки, рискнём!..

Начав, подобно древнегреческим богиням, вершителям людских судеб мойрам: Клото — «пряжа», Лахесис — «судьба» и Атропос — «неотвратимая» — то есть, по сути дела, сама смерть, которая и обрезает в определённый момент сотканную для каждого человека пряжу его судьбы. Подобно ножу гильотины, переводя человека из жизни в смерть.

И так, нанизывая на нить судьбы отдельные, порою мелкие — каждое из которых само по себе почти ничего не значит — события, я намереваюсь создать картину полноводной реки героя под названием жизнь, от её истока до конца. Причём, это нанизывание отдельных «бусин» у каждого может получиться по-своему. Более того, подобная манера письма, как мне кажется, в данном случае просто неизбежна, если первой задачей пишущего в данном конкретном случае является не рассказ о действии, а попытка показать механизм событий. Иногда весьма глубоко скрытых от посторонних глаз...

И ещё мне хотелось, чтобы практически сам герой данного повествования от-

ветил на все те вопросы, которые будут возникать по мере написания данного повествования, получается что, по сути, исследования. Поэтому цитат самого Хемингуэя будет, я думаю, немало. Ибо никто не знает человека, со всеми его потаёнными, скрытыми и открытыми сторонами души, лучше него самого.

С Богом...

Проклятие Хемингуэев Клуб самоубийц

Об Эрнесте Хемингуэе, несмотря на множество самых невероятных легенд о нём, нам доподлинно, безо всякого сомнения в фактах, известно довольно много.

Он родился 21 июля 1899 года в Оук-Парке, богатом пригороде Чикаго, в семье врача, любившего вывозить своих шестерых детей в индейские вотчины возле Великих озёр. Там маленький Эрнест и научился охотиться и удить рыбу. Детство его было вполне счастливым и безмятежным. Но лишь до тех пор, пока между отцом и матерью не начались всевозможные распри, больно ранившие чуткую душу мальчика, дважды толкавшие его на побег из дома, когда он устраивал «бунт на корабле» настаивающей на этом матери, не желая больше играть на виолончели и петь в церковном хоре. А то и убегал из дома, путешествуя по Мичигану в вагонах товарных поездов. Впрочем, всякий раз возвращаясь домой, поскольку очень любил своего, как он считал, безвольного отца. Дав себе, ещё в детстве, слово — стать сильным и независимым. И впоследствии, пожалуй, в полной мере он смог это своё детское обещание претворить в жизнь. И не желая после школы поступать в университет, как на том настаивали его родители. Уехав от родительского дома более чем на тысячу километров, в город Канзас-Сити, где работал «начинающим репортёром» в газете «Стар». О которой он впоследствии напишет: «Я хотел работать в «Стар», потому что считал её лучшей газетой в Соединённых Штатах». Родители не стали сильно возражать против этого выбора сына. Тем более что в Канзас-Сити жил младший брат отца Тейлор Хемингуэй, следовательно, как посчитали родители, Эрнест будет под контролем семьи...

Кстати, продолжим о семье.

Родителями Хемингуэя были Кларенс Хемингуэй и несостоявшаяся оперная певица Грейс Холл-Хемингуэй, которая за свою неосуществлённую певческую карьеру, считая, что ради семьи она принесла себя в жертву, не могла простить этого — не столько себе, сколько окружающим её людям. И хотя отношения с дедом — отцом его матери, у Эрнеста-младшего были достаточно близкими, их общее имя ему не нравилось. А в пору первых литературных опытов стало нравиться ещё меньше, поскольку, как он сам не раз говорил и писал об этом в своих произведениях, «ассоциировалось у него с наивным и даже глупым героем пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьёзным».

Вот как он сам писал об этом в новелле «Человек, отмеченный печатью смерти», из книги «Праздник, который всегда с тобой»:

«— Мне кажется, я не заслужил её (литературную премию журнала, издаваемого Эрнестом Уолшем — В.М.), Эрнест, — сказал я, с удовольствием называя его своим именем, которое я ненавидел. — Кроме того, Эрнест, это было бы неэтично».

Следует сказать, что имя Эрнест по-английски означает: убеждённый, чёрствый.

Сразу после свадьбы родители Хемингуэя какое-то время жили в доме отца Грейс, к тому времени ставшего уже вдовцом, Эрнеста Холла, в честь которого, как я уже сказал, они и назвали своего первого сына.

Всего же в семье Хемингуэев, как я уже упоминал, было шестеро детей, причём все они, в том или ином качестве, занимались творчеством. В рукописи «Наследие», присланной Хемингуэю в 1940 году его матерью, были перечислены все увлечения их детей, со следующей припиской: «Надеюсь, что тебе это покажется достойным внимания. Любящая тебя мама Грейс Холл Хемингуэй».

Старшая сестра Хемингуэя Марселина (1898–1963) была первым ребёнком в семье. И следует отметить, что с ней Хемингуэй всегда был очень дружен. По словам матери, она была: «Музыкант, скульптор, драматург, написавшая четыре весьма успешных одноактных пьесы».

За Марселиной появился наш герой (1899–1961);

Затем — Урсула (1902–1966): «Скульптор»;

Четвёртым ребёнком была Мэделин или Мадлен (1904–1995): «Музыкант, артистка и пианистка»;

Пятым ребёнком снова стала девочка — Кэрол (1911–2002): «Писательница»;

Младшим, шестым ребёнком в семье Хемингуэев был Лестер (1915–1982), — по словам матери: «Редактор журнала». Он родился уже после начала первой мировой войны, начавшейся в 1914 году, на которую через четыре года отправился его старший брат Эрнест. Следует сказать, что Лестер всю жизнь очень хотел походить на своего брата и во всём старался подражать ему. Так же, как Эрнест, он занимался боксом, литературой. Кстати, написал шесть книг, оставаясь, всё-таки, как бы в тени своего знаменитого старшего брата, о котором через год после ухода его из жизни написал довольно хорошую, честную книгу «Мой брат Эрнест Хемингуэй». И, в конце концов, в своём постоянном стремлении стать таким, как его недостижимый брат, стремясь к этому своему идеалу, скопировал и его смерть, выстрелив себе в висок 13 сентября 1982 года. Так что его самоубийство можно назвать: «Смерть под копирку»...

Но, вернёмся к нашему главному, в данном повествовании, герою.

В канзасской «Стар» Эрнест проработал всего семь месяцев, постоянно думая о том, как попасть на фронт, в Европу. Но приобрёл он в «Стар» за такой короткий промежуток времени совсем немало. Вспоминая в 1940 году об этом периоде своей жизни, он говорил, что научился писать просто о простых вещах, что, в конечном итоге, и стало его основным писательским принципом. А писателем, и никем другим, он решил стать непременно.

Стоит сказать, что его всегда отличало упрямство, когда он хотел достичь какой-то своей цели. Вот и своей сестре Марселине он писал по поводу своего желания попасть на фронт: «Я всё равно так или иначе попаду в Европу, несмотря на своё зрение. Я не могу допустить, чтобы происходило такое представление, как это, и я не принял в нём участия. Настоящей войны не было с тех пор, как дедушка Хемингуэй сражался в битве при Булл Рэне».

А в одном из своих интервью он говорил впоследствии так. Когда уходишь на войну мальчишкой, тобой владеет великая иллюзия бессмертия. Других убивают, но не тебя. Потом, когда тебя в первый раз тяжело ранит, эта иллюзия пропадает, и ты понимаешь, что это может случиться с тобой.

Но, пока что, Хемингуэем всё ещё владеет эта юношеская иллюзия бессмертия, и он любой ценой хочет попасть на фронт.

И вот однажды в апреле, разбирая со своим новым приятелем Тэдом Брамбаком, тоже корреспондентом «Стар», телеграммы от различных агентств, они увидели среди них сообщение, что Американский Красный Крест вербует добровольцев для отправки в Италию. Друзья успели подать заявление раньше, чем телеграмма появилась в газете.

30 апреля 1918 года Хемингуэй и Брамбак получили свою последнюю зарплату в редакции. А газета не замедлила сообщить своим читателям, что два её молодых репортёра отплывают «из одного атлантического порта» в Италию, на фронт.

А 28 мая 1918 года пароход «Чикаго» отчалил от Бруклинской пристани и взял курс на Бордо.

Война притягивала Хемингуэя непреодолимым магнитом. В одной из открыток, отправленных им из Европы в Канзас-Сити, он написал: «Завтра я уезжаю на фронт. Ох, ребята!!! Как же я рад, что я здесь!»

Их было двадцать два молодых американца, шоферов санитарных машин Красного Креста, и все они получили назначение в IV отряд, дислоцировавшийся в городке Шио в девяноста милях к востоку от Милана.

Так девятнадцатилетний Хемингуэй попал на фронт.

По мнению очень многих людей, знавших и видевших Хемингуэя на войне, он был невероятно смел, и даже безрассуден, как бы не веря в то, что смерть может достать его.

Своим родным он писал:

«За те шесть дней, что я провёл на передовой, в пятидесяти метрах от австрийцев, я приобрёл репутацию человека, заговорённого от пули. Эта репутация сама по себе немного стоит, если ты на самом деле не заговорён. А я, кажется, заговорён».

Однако 8 июля 1918 года, за две недели до своего девятнадцатилетия, его разговор, видимо, кончился. Он бросился спасать раненого снайпера, который находился в 150 ярдах от австрийских окопов. Тот был без сознания, но ещё жив. И тут огромная мина взорвалась рядом с ними. И тут Хемингуэй почувствовал, что ему конец...

«Я умер, — писал он впоследствии, — я почувствовал, как моя душа или что-то в этом роде вылетела из моего тела, как это бывает, когда вытаскивают из кармана шелковый платочек...» Он думал, что он без сознания, парализован, а на самом деле он полз, волоча за собой уже мёртвого солдата...

Хемингуэй получил 227 ран, и из него извлекли 26 осколков.

В Миланском госпитале, где он лечился, девятнадцатилетний Эрнест, со всем безрассудством юности и страсти, влюбился в работавшую там медсестру из США Агнесс фон Куровски, которая была старше его на семь лет, но, тем не менее, ответила ему взаимностью.

Он был весь полон этой любовью и бесконечно счастлив. И этот период его жизни, по аналогии с его же рассказом «Недолгое счастье Фрэнсиса Макоберна» можно было бы назвать «Недолгое счастье Эрнеста Хемингуэя...»

3 ноября 1918 года в офицерском клубе Хемингуэй узнал, что между Австрией и Италией состоялось перемирие.

Война была окончена, и Хемингуэю пора было возвращаться домой. Но вернуться в Оук-Парк он хотел вместе с Агнесс, с которой они оба, как казалось ему, были бесконечно счастливы. Однако Агнесс уговорила его не задерживаться в Италии и поскорее возвращаться домой, пообещав, что тоже вскоре вернётся в Штаты, где они поженятся...

Однако этого не произошло.

Впрочем, подлинная жизнь очень редко укладывается в привычные схемы...

Через какое-то время Хемингуэй получил от Агнесс письмо, в котором она писала, что не приедет в Америку, и что то, что было между ними, не более чем детская влюблённость, и что теперь она всерьёз влюблена в итальянского лейтенанта Доминико Караджоло.

Получив это письмо, Хемингуэй, совсем уж по-мальчишески, написал их общей приятельнице мисс Макдональд, которая была свидетельницей их любви, что он надеется, что когда Агнесс вернётся в Штаты, то она споткнётся на сходнях, спускаясь с корабля, и вышибет свои проклятые зубы...

Позднее он узнал, что замуж за итальянского лейтенанта Агнесс так и не вышла, и жизнь её сложилась, в общем-то, неудачно. Как неудачен оказался и первый опыт большой любви у Хемингуэя. И эта рана у него не заживала очень долго...

Эту «измену» своей возлюбленной, которая казалась ему идеалом, Хемингуэй простить не мог, написав о ней и о себе «Очень короткий рассказ», выведя в нём себя в образе майора, а Куровски в образе девушки Люз.

Концовка рассказа, на первый взгляд, была написана очень грубыми, а на самом деле — безысходными словами:

«Майор не женился на ней ни весной, ни позже. Люз так и не получила из Чикаго ответа на своё письмо. А он вскоре после того заразился гонореей от продавщицы универсального магазина, с которой катался в такси по Линкольн-парку».

А ещё в одном своём рассказе «Дома» он так опишет свои переживания, касающиеся этого периода его жизни:

«Он смутно ощущал потребность в женщине. Ему нужна была женщина, но лень было её добиваться. Он был не прочь иметь женщину, но не хотел долго добиваться её. Не хотел никаких уловок и ухищрений. Он не хотел тратить время на ухаживание. Не хотел больше врать. Дело того не стоило»...

В Оук-Парке Хемингуэй прожил чуть меньше года, с января 1919 года.

И уже в январе 1920 перебрался в Канаду, в Торонто, став внештатным корреспондентом газеты «Торонто Стар Уикли». А в декабре 1921 года, в качестве корреспондента «Торонто Дейли Стар», он уезжает в Европу, но не один, а со своей первой женой Элизабет Хэдли Ричардсон, с которой познакомился в Чикаго весной 1921 у своей знакомой Кэт Смит. А 3 сентября 1921 года они уже поженились, в Хортон-Бей, Мичиган, в присутствии немногочисленных близких друзей. И этот период его жизни, несмотря на бедность, был довольно продолжительным и достаточно счастливым.

Впоследствии Хемингуэй так описал их первую встречу с Хэдли:

«В тот момент, когда она вошла в комнату (весёлая высокая девушка с каштановыми волосами), я был потрясён. Я понял, что это девушка, на которой я должен жениться».

А вот как о подобном состоянии Хемингуэя писал Мальком Каули (1898–1989):

«Он романтик по натуре, и он влюбляется подобно тому, как рушится огромная сосна, сокрушающая окружающий мелкий лес. Кроме того, в нём есть пуританская жилка, которая удерживает его от флирта за коктейлем. Когда он влюбляется, он хочет жениться и жить в браке...»

Надо сказать, что с Хэдли, которую он прозвал «Рыжей Хэш», их устремления во многом совпадали.

Она — весьма способная пианистка, как и Хемингуэй, мечтала уехать из Аме-

рики в Европу. И ещё Хэдли пленила Эрнеста своей непосредственностью, умением презирать условности и чувствовать себя свободно в любой ситуации.

Так что Хемингуэем было, наконец-то, найдено древнее, как мир, лекарство от его первой любви — другая любовь. Причём Хэдли, как и Агнесс, тоже была старше Хемингуэя на семь лет.

Как видим, Хемингуэй вновь выбрал женщину старше него. Отчего создаётся такое навязчивое ощущение, и скорее всего не ошибочное, что ему просто не хватало именно материнской любви и ласки, поскольку его отношения с собственной матерью были, мягко говоря, весьма напряжёнными, если не сказать враждебными.

Вот как писал об этом генерал-майор Чарльз Ланхэм, познакомившийся с Хемингуэем во Франции в 1944 году и ставший впоследствии его другом:

«С самого начала нашего общения Эрнест Хемингуэй неизменно употреблял по отношению к матери выражение «эта стерва». Тысячекратно он объяснял мне, как и в какой форме «ненавидит свою мать». И подобные нелестные высказывания не раз слышали от него и другие. Например, писатель Джон Дос Пассос говорил, что ему не доводилось встречать человека, который бы так неприязненно относился к матери.

По-видимому, это происходило потому, что мать Хемингуэя Грейс Холл всегда искренне считала, что, кроме её мнения, других мнений просто не существует. И всегда старалась гнуть свою линию. Сгибая одновременно и тех людей, которых стремилась подогнать под свои единственно верные, как считала она, а до неё ещё и Прокруст, решения. И с мужем у неё это, похоже, получилось. А вот с сыном, увы, не удалось. И он по-прежнему поступал так, как считал нужным, зачастую вопреки желаниям своей матери...

И вот, 8 декабря 1921 года Эрнест и Хэдли отплыли из Нью-Йорка на старом французском пароходе «Леопольдина» в Европу. В новую, счастливую — они искренне верили в это — дальнейшую жизнь, полную новых надежд и побед.

Впоследствии об этом своём военном и послевоенном, совсем не простом для него, периоде жизни, Хемингуэй напишет прекрасный роман «Прощай, оружие!», впервые вышедший в свет в 1929 году. Правда, роман у него получился всё-таки не о войне, а точнее, не совсем о войне, а о любви, где война присутствует лишь как фон, как декорация к основному действию. Причём, роман у него получился о любви трагической. Хотя сам он не раз говорил, что хотел бы закончить его счастливым концом. Но, не случилось. Ибо довольно часто герои романа, обретя свою самостоятельность из рук автора — их создателя, как своенравные дети, перестают подчиняться тому, кто их создал. Впрочем, в данном случае всё произошло, как происходит в обычной повседневной, реальной жизни...

Что же касается любви, то сам Хемингуэй, навсегда обожженный своим первым любовным опытом, писал так: «Если двое любят друг друга — это не может закончиться для них ничем хорошим», тем более во время войны. Хотя, вроде бы, это утверждение противоречит элементарной логике. Ибо только в войне нет, и не может быть, стопроцентного победителя. Поскольку, так или иначе, обе воюющие стороны остаются в проигрыше. И по большому счёту, «Победитель не получает ничего» (как был назван один из сборников рассказов Хемингуэя), кроме невозполнимых потерь...

А, казалось бы, в любви, да ещё на войне, со всей её бессмыслицей и жестокостью, оба — он и она — победители, обретшие, нашедшие столь драгоценный для них обоих дар! В какой-то мере они могут являться победителями даже самой

смерти, если у этой любви есть продолжение, скажем, в потомстве. Но герой романа Генри, увы, теряет и любимую и их ребёнка, родившегося мёртвым. И это, конечно же, невосполнимая потеря, которая может лишить смысла жизни. А не найдя причин для дальнейшего продолжения жизни, почти невозможно её продолжать, погрузившись, как бы, в абсолютную пустоту.

Кстати, финал этого прекрасного романа, судя по рукописям, хранящимся в бостонской библиотеке, Хемингуэй переписывал 44(!) раза. Словно стремясь убедить читателя в том, что любовь — это трагедия. И кто этого не понимает, тот никогда не любил по-настоящему.

Недаром же один из персонажей рассказа «В чужой стране», итальянский майор, лежащий в госпитале вместе с героем рассказа, спрашивает его:

— Что вы будете делать, когда кончится война, если она вообще кончится?..

— Я вернусь в Америку.

— Вы женаты?

— Нет, но надеюсь жениться.

— Ну и глупо, — сказал майор. Казалось, он был очень рассержен. — Человек не должен жениться.

— Почему человек не должен жениться?

— Нельзя ему жениться. Нельзя! — сказал он сердито. — Если уж человеку суждено всё терять, он не должен ещё и это ставить на карту. Он должен найти то, чего нельзя потерять.

Впоследствии герой рассказа, а по сути, Alter ego, то есть, второе «Я» самого Хемингуэя, узнаёт, что у майора только что умерла жена...

Конечно потеря любимого человека — это всегда почти нестерпимое страдание. Будто тебя распиливают циркулярной пилой надвое. А не умершая, продолжающая жить в тебе любовь, не превратившаяся ещё в зияющую пустоту, безразличную ко всему и ко всем, сопротивляется, корчится в тебе, кричит от непереносимой боли...

А вот что сам Хемингуэй в предисловии для иллюстрированного издания романа «Прощай, оружие!» в 1948 году писал о нём:

«Эта книга писалась в Париже, в Ки-Уэст, Флорида; в Пиготе, Арканзас; в Канзас-Сити, Миссури; в Шеридане, Вайоминг; а окончательная редакция была завершена в Париже весной 1929 года.

Когда я писал первый вариант, в Канзас-Сити с помощью кесарева сечения родился мой сын Патрик (1928 г. — старший из двух сыновей от второго брака Хемингуэя с Паулиной Пфайфер. И не потому ли и героиня романа «Прощай, оружие!» Кэтрин так страдает от трудных родов? И ей, так же, как и Паулине, вынуждены сделать кесарево сечение), а когда я работал над окончательной редакцией в Оук-Парке, Иллинойс, застрелился мой отец (декабрь 1928 г.). Мне всегда казалось, что отец поторопился, но, может быть, он уже больше не мог терпеть. Я очень любил отца и потому не хочу высказывать никаких суждений».

Однако суждения о смерти отца Хемингуэй впоследствии высказывал во многих своих произведениях, правда, устами своих героев.

Например, в романе «По ком звонит колокол» об этом рассуждает главный герой Роберт Джордан, фактически, копия самого Хемингуэя, — писатель, воин,

герой, воюющий в Испании за республику против фашистов Франко, размышляя о самоубийстве отца, и пытаюсь как-то оправдать этот его поступок:

«Обычно собственные мысли были для него лучшим обществом, так было и в этот вечер, пока он думал о дедушке, отце своего отца — Ансоне Тейлоре Хемингуэе (1844–1924). Но воспоминания об отце выбили его из колеи. Он понимал своего отца и прощал ему всё, и жалел его, но чувства стыда в себе побороть не мог». И снова, мысли Роберта Джордана (а по сути, самого Хемингуэя) перед завтрашним взрывом моста, олицетворяющего собой, как бы, связь между прошлым и будущим, подрыв которого он должен будет осуществить, возвращаются к деду — Ансону Тейлору Хемингуэю (1844–1924), герою гражданской войны в США (1861–1865) между северными, где рабство было отменено, и южными — рабовладельческими штатами.

«Я бы хотел, чтобы вместо меня здесь был дедушка. Впрочем, может быть, завтра ночью мы встретимся. Если такая нелепость, как будущая жизнь, существует на самом деле, а я уверен, что ничего такого на самом деле не существует, я был бы очень рад поговорить с ним. (Стоит сказать что религиозное чувство у самого Хемингуэя было не то чтобы полностью атрофировано, оно, скажем так, было не развито. Хотя, в его произведениях, причём довольно часто, встречаются религиозные мотивы. Но, об этом мы поговорим позднее.) ...Потом, раздумывая над этим, он понял, что доведись им действительно встретиться в загробной жизни, и он и дедушка чувствовали бы себя очень неловко в присутствии его отца. Каждый имеет право поступить так, думал он. Но ничего хорошего в этом нет. Я понимаю это, но одобрить не могу, *lache* (фр. трус) — вот как это называется. Но ты, в самом деле, понимаешь это? Да, конечно, я понимаю, но. Надо уж очень быть занятым собой, чтобы пойти на такую вещь.

Я никогда не забуду, как мне было гадко первое время. Я знал, что он *sobride* (исп. трус). А ну-ка скажи это на родном языке. Трус. А вообще ни к чему подыскивать иностранное слово для сукина сына. Нет, он не был сукиным сыном. Он был просто трус, а это самое большое несчастье, какое может выпасть на долю человека. Потому что, не будь он трусом, он не сдал бы перед этой женщиной и не позволил бы ей заклевать себя. Интересно, какой бы я был, если бы он женился на другой женщине?»

А вот как Хемингуэй пишет об отце в своём рассказе «Отцы и дети» написанном им в 1933 году, уже в зрелом возрасте. (Причём, название рассказа явно позаимствовано у нашего Ивана Сергеевича Тургенева. Его Хемингуэй читал запоем, особенно в начале своей литературной деятельности. Да и другая его вещь, «Вешние воды», написанная как пародия на его бывшего кумира и учителя Шервуда Андерсена, этого американского Максима Горького, по числу открытых им талантов, которым он помог стать писателями, тоже, как говорится, из той же колоды.) В рассказе «Отцы и дети» постоянный герой автора, переносящийся Хемингуэем из рассказа в рассказ, Ник Адамс, едет в машине со своим сыном и, пока мальчик спит, предаётся размышлениям о своём отце:

«Первое, что вспомнилось Нику, были его глаза. Ни крупная фигура, ни быстрые движения, ни широкие плечи, ни крючковатый ястребиный нос, ни борода, прикрывающая безвольный подбородок, никогда не вспоминались ему, — всегда

одни только глаза. Как и все люди, обладающие какой-либо незаурядной способностью (у отца Хемингуэя была невероятная, прямо-таки орлиная острота зрения) отец Ника был очень нервен. Сверх того он был сентиментален и, как большинство сентиментальных людей, жесток и незащищен в одно и то же время. Ему редко что-нибудь удавалось, и не всегда по его вине. Он умер, попавшись в ловушку, которую сам помогал расставлять, и ещё при жизни все обманули его, каждый по-своему. Сентиментальных людей так часто обманывают.

Теперь, когда он знал обо всём, не радостно было вспоминать даже самое раннее детство, до того как дела их семьи запутались. Если б можно было об этом написать, он бы освободился от этого. Он освободился от многих вещей тем, что написал о них. Но для этого не пришло ещё время. Многие были ещё живы».

И здесь, как мне думается, настало время коснуться такой весьма щекотливой и, в какой-то мере, даже стыдной и странной темы, будто бы говорящей о неполноценности подобной породы людей, как тяга к суициду, которая не миновала ни отца писателя, ни его самого, ни некоторых родственников. Да и не только родственников, но и просто близких ему людей, словно заразная болезнь. Которая впоследствии была названа биографами «проклятием Хемингуэев».

Первооткрывателем в этом, увы, не коротком списке любителей проститься с жизнью самостоятельно оказался Кларенс Хемингуэй, как бы открывший этот ящик Пандоры, застрелившись из пистолета своего отца, героя гражданской войны...

Гипотез о том, почему Кларенс Хемингуэй поступил именно так, существует, как минимум, две.

Как мы уже упомянули выше, сын Кларенса Хемингуэя Эрнест считал, что отец просто оказался трусом перед грузом обстоятельств и дал заклевать себя властной жене. Ибо сам Эрнест с молодых лет проповедовал две вещи — жизненную свободу и стоицизм, позволяющий человеку несмотря ни на какие, кажущиеся порою непреодолимыми, обстоятельства идти и добиваться своей цели, никогда не пасуя перед любыми трудностями, какими бы непреодолимыми они ни казались, не сдаваясь Судьбе. Он даже придумал такой термин: «Можно иногда изнасиловать Судьбу», то есть переупрямить свой Рок.

Есть и вторая, вполне полноценная, версия о самоубийстве Кларенса Хемингуэя, причиной которой был диабет. И отец Хемингуэя, как врач, не мог не понимать, чем может закончиться его болезнь, когда у него началась гангрена ног. В лучшем случае, это грозило ему их ампутацией. Считается, что он просто больше не мог терпеть этих страданий — физических и душевных. А между тем, почти все его близкие, и особенно дети, долгое время не знали, какие страдания испытывал их отец, подолгу просиживая в одиночестве в своём кабинете...

И тут, как мне кажется, стоит процитировать диалог Ника Адамса (разумеется, самого Хемингуэя, поделившегося своими сокровенными мыслями с героем рассказа) с его отцом из рассказа «Индийский посёлок». Суть рассказа заключается в том, что врача с его сыном — подростком Ником и братом отца Джоржем, на лодке переправляют через озеро в индийский посёлок, где не может разродиться индианка.

Лёжа на нижних нарах лачуги, терзается родовыми муками молодая индианка, на верхних, покуривая и терпя боль в покалеченной топором ноге, лежит её муж.

Отец Ника обычным ножом, спасая плод, делает индианке кесарево сечение. Обратившись к отцу новорождённого мальчика, врач обнаруживает, что тот убил себя, перерезав ножом горло.

На обратной дороге домой Ник спрашивает отца:

«— Что, женщинам всегда так трудно, когда у них рождаются дети?

— Нет, это был совершенно исключительный случай.

— Почему он убил себя, папа?

— Не знаю, Ник. Не мог вынести, должно быть.

— А часто мужчины себя убивают?

— Нет, Ник. Не очень.

— А женщины?

— Ещё реже.

— Никогда? (Заметьте, сколько неизбывной веры и надежды слышится в этом вопросе мальчика, явно желающего получить на свой вопрос утвердительный ответ.)

— Ну, иногда случается.

— Трудно умирать, папа?

— Нет. Я думаю, это совсем не трудно, Ник. Всё зависит от обстоятельств».

Получается, что этот рассказ — описание смерти, непременно сопутствующей каждому моменту жизни. И для того, чтобы перестать бояться смерти, мальчик решает забыть о ней, убеждая себя, что к нему она не придёт никогда.

А из диалога отца и сына видно, что с раннего детства Хемингуэя особо остро интересовали две вещи. Это рождение, появление чего-то нового в разных его проявлениях, возникающего, как бы, из ничего. То есть — тайна жизни. И — тайна смерти, мгновенно превращающая Нечто в Ничто...

В том же романе «Прощай, оружие!» герой романа Генри, попросив всех уйти из больничной палаты, где только что скончалась его любимая, тоже размышляет о смерти:

«Но когда я заставил их уйти и закрыл дверь и выключил свет, я понял, что это ни к чему. Это было словно прощание со статуей. Немного погодя я вышел и спустился по лестнице и пошёл к себе в отель под дождём».

Интересно, что роль дождя во многих произведениях Хемингуэя присутствует как признак тревоги и неблагополучия. И особенно в таком его чудесном рассказе, как «Кошка под дождём». В котором главное — это, разумеется, не несчастное животное, мокнущее под дождём, а безвозвратно утекающие, как серые струи дождя, чувства и отношения — его и её. Когда ты вдруг осознаёшь, что посторонние люди понимают тебя гораздо лучше, чем самые, казалось бы, близкие...

Но это так, к слову.

Вернёмся вновь к основному герою сего повествования, оказавшемуся, через тридцать три года после самоубийства отца, вторым в этом добровольном клубе самоубийц. И ставшему уже к тому времени всемирно известным писателем, лауреатом двух весьма престижных премий в области литературы — Пулитцеровской и Нобелевской — за повесть «Старик и море», о которой Хемингуэй говорил, что ему никогда так легко и быстро не писалось...

Стоит вспомнить, что Хемингуэй нередко сравнивал жизнь человека со стаканом воды, который нужно выпить до дна, а потом разбить.

Очевидно, что взаимоотношения со смертью были среди тех вещей, которые интересовали Хемингуэя, как мы уже упоминали, особенно остро. Это прослеживается по многим его произведениям. Так что банальное «он умер от смерти», судя по всему, подходит к нему наилучшим образом. Он всю жизнь стремился встретиться с этой костлявой дамой с косой, как изображают смерть на рисунках, один на один, и на охоте, и на войне. Подобно тому, как встречались на одной

арене, сменяя друг друга, два искусных матадора, Орьендес и Мигель в его произведении «Опасное лето», показывая вершины мастерства. Что означало «быть на арене художником, сознающим необходимость ежедневно превращать смерть в высокое искусство, приводя себя в обычное пред выходом на арену состояние абсолютной внутренней пустоты». И, наблюдая состязание лучших матадоров с быками и друг с другом, он понимал, что они постоянно, «по крайней мере, два раза в день», рискуют жизнью. И если бык лишал матадора жизни, «старина Хэм» выносил вердикт: «Ну, что же, бык тоже должен иметь свой шанс». И вот однажды это его желание встретиться с ней — этой неведомой, загадочной дамой — леди Смерть, стало для него, по-видимому, уже нестерпимо навязчивым, постоянным, а в какой-то момент и непреодолимым. Однако превратить смерть в искусство ему не удалось, хотя бы из эстетических соображений выбранного им ухода из жизни...

Причём, как говорят об этом некоторые действия Хемингуэя, уход этот неоднократно предпринимался. По крайней мере, точно известно об одном таком случае, когда его четвёртая, и последняя жена Мэри Уэлш, бывшая корреспондентка журнала «Таймс», оставившая своё ремесло ради мужа, в отличие от его третьей жены, военной журналистки Марты Гелхорн, отобрала у него заряженное ружьё, из которого он уже намеревался сделать выстрел, покончив с собой. Более того, он неоднократно демонстрировал друзьям, как он собирается расстаться с жизнью, называя подобные действия «Техника харакири».

Например, в последние годы жизни на своей кубинской вилле, Хемингуэй не раз демонстрировал своим гостям эту технику.

Брал карабин, садился в кресло, упирался босыми ногами в пол, покрытый циновкой, и устраивал карабин таким образом, чтобы он находился между ног. Наклонившись, прижимал нёбо к дулу и большим пальцем ноги спускал курок. Раздавался сухой щелчок. (Правда, 2 июля 1961 года, не дотянув совсем немного до шестидесяти двух лет, он сделал это всё по-настоящему, профессионально, как актёр, долго репетировавший свою последнюю роль, и без каких-либо помарок, если только не брать во внимание разбрызганных повсюду мозгов, исполнил её.) Хемингуэй поднимал голову и расплывался в улыбке. «Это техника харакири с помощью ружья, — торжественно объяснял он свои действия ошеломлённым гостям. — А нёбо самая мягкая часть головы».

* * *

Глядя на фотографию Хемингуэя, где он сидит в платье на коленях у матери — с пухлым личиком, длинными мягкими, спадающими на плечи волосами, с безмятежным взглядом, в котором отобразилось счастье ребёнка (отчего-то мать Эрнеста долгое время одевала своего старшего сына как девочку, и впервые обрезала ему волосы только в шесть лет), с лёгкой, загадочной улыбкой, словно скрывающей за собой какую-то великую, неведомую, запредельную для взрослого человека тайну, невозможно не умилиться этой семейной гармонии. Где ребёнок чувствует себя полностью защищённым от всех бед и напастей окружающими его родными людьми — отцом, матерью, сёстрами...

И, неизвестно отчего, мне пришла в голову мысль о том, что все дети достойны вечной жизни, ибо в раннем возрасте, лет до пяти, они все, по сути, ангелы. Однако обстоятельства жизни превращают их порою в демонов, выбирающих не

вечную жизнь (поскольку жизнь без вечной перспективы бессмысленна, становясь просто чьей-то злой шуткой), а вечную смерть. Ибо, в конечном итоге, что ты выбираешь, то ты и получаешь...

Хемингуэй прожил недолгую, но полную удивительных приключений, наполненную всевозможными яркими событиями жизнь, оставив после себя множество тайн, главной из которых по сей день остаётся, всё-таки, тайна его смерти...

Почему Хемингуэй — человек, безгранично любивший жизнь (хорошая еда, вино — не обязательно хорошее, если на хорошее не хватало денег, женщины, охота), добровольно прервал её, прежде чем смерть пришла к нему? Так сказать, разбив свой стакан, ещё не выпитый до дна, и в котором, возможно, ещё оставалась живительная влага. Но вот оставалась ли? Над этим вопросом нам и предстоит поразмыслить. Но сделаем мы это немного позже. Хотя два банальных ответа на этот вопрос мы можем предложить и теперь.

Ответ первый. Когда человек перестаёт получать от жизни привычные удовольствия, он перестаёт ценить и саму жизнь, она становится для него пресной и скучной, как вчерашний понедельник, и совсем не нужной, как старая истрёпанная одежда.

Ответ второй. Как говорил Владимир Набоков, кстати, родившийся в том же году, что и Хемингуэй: «Страх перед старостью сильнее страха смерти». А Хемингуэй — этот бесстрашный лев, по мнению многих, беспомощной, никчёмной старости явно боялся. Недаром же его сын Патрик говорил, что его отец вообще не знал, как стареть...

А ещё, Хемингуэй очень хорошо запомнил рассказ оруженосца его жены Мэри Уэлш, из местного племени масаев, когда они охотились в Африке. И о чём он впоследствии написал очень неплохую документальную книгу «Зелёные холмы Африки».

Но, оставим на время наши поверхностные догадки и предположения, поразмыслив о них более досконально позднее. А пока продолжим скорбный список добровольно ушедших из жизни ближайших родственников всемирно известного писателя, вошедших в этот клуб самоубийц.

Третьей в этом клубе оказалась сестра Хемингуэя Урсула, покончившая с собой в 1966 году, в возрасте 64-х лет, узнав о своей неизлечимой болезни. Впав в глубокую депрессию, она отравилась, приняв смертельную дозу лекарств.

Четвёртым в списке числится младший брат писателя Лестер, покончивший с собой выстрелом в висок из револьвера в 1991 году, в возрасте 76 лет. По официальной версии, не смирившись с тем, что в результате диабета потерял ногу. Так что и в данном случае депрессия одержала верх над иссякшими жизненными силами.

Пятой жертвой суицида стала в 1996 году, в возрасте 42 лет внучка Хемингуэя Марго, бывшая американская актриса кино и фотомодель, снимающаяся, в том числе, и для мужского журнала «Playboy», что в переводе означает: «Шалун», «Ловелас», «Повеса». Она покончила с собой, приняв смертельную дозу снотворного.

Марго Луиза Хемингуэй родилась 16 февраля 1954 года в Портленде, штат Орегон.

Её отцом был первый сын Хемингуэя — Джон Ричардсон Никанор («Джек», «Бэмби», как называли его родители). Он родился в 1923 году, от первой жены писателя, Элизабет Хэдли Ричардсон, которая была старше своего мужа почти на

восемь лет, и которую он, пожалуй, единственную любил и ценил по-настоящему из всех своих четырёх жён. Хэдли, по мнению многих людей, близко знающих её, была очень неплохой, подающей надежды пианисткой. С ней Хемингуэй прожил шесть, несомненно, лучших лет своей жизни, с 1921 по 1927 год. Большую часть этих счастливых для обоих супругов лет они провели в Париже. В бедности и счастье. О чём впоследствии Хемингуэй напишет в прекрасной, одной из лучших своих книг — «Праздник, который всегда с тобой».

Вот как он писал об этом счастливом периоде их жизни:

«Если тебе повезло, и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж — это праздник, который всегда с тобой».

А вот как он описывал их скромный быт с Хэдли в этом городе:

«Нашим домом на улице Кардинала Лемуана, 74 была двухкомнатная квартира без горячей воды и канализации, которую заменял бак, что не было таким уж неудобством для тех, кто привык к мичиганским уборным во дворе. Зато из окна открывался чудесный вид. На полу лежал хороший пружинный матрац, служивший удобной постелью, на стенах висели картины, которые нам нравились, и квартира казалась нам светлой и уютной».

Для более полной картины приведу ещё, прямо-таки, искрящийся радостью и оптимизмом диалог Хэдли и Хемингуэя, после такого редкого в те времена для начинающего писателя полученного гонорара, когда они могли позволить себе шикануть:

«— Мы пойдём куда захотим, а потом зайдём в какое-нибудь новое кафе, где мы никого не знаем и где нас никто не знает, и выпьем по рюмочке.

— Можно и по две. (Это добавление Хэдли.)

— Потом мы где-нибудь поужинаем.

— Вот уж нет. Не забывай, что нам нужно заплатить в библиотеку. (Плата за одолженные для чтения книги предназначалась Сильвии Бич. Она держала в Париже, на улице Одеон, 12, книжный магазин и библиотеку под названием «Шекспир и компания», ссужая книги начинающим авторам. В том числе и Хемингуэю, если у него не было денег, чтобы их купить, или времени — читать выбранные книги в её заведении. К тому же она одна из первых сумела распознать и оценить талант Хемингуэя. Не раз успокаивая его, когда тот сетовал на то, что его рассказы никто не покупает, говоря ему: «Не расстраивайтесь, что ваши рассказы пока никто не покупает. Главное, что вы можете их писать». Очень важное наблюдение. Ибо и сам Хемингуэй не раз говорил: «Работа — это лучшее лекарство от всех бед». А о Сильвии Бич он писал: «У неё были красивые ноги, она была добро-сердечна, весела, любознательна и любила шутить и болтать. И лучше неё ко мне никто не относился».)

Но продолжим диалог Хемингуэя и Хэдли:

— Тогда мы вернёмся ужинать домой, и закатим настоящий пир, и выпьем бона из магазина напротив — видишь на витрине бутылку бона, там и цена указана. А потом мы читаем, и ляжем в постель, и будем любить друг друга.

— И мы всегда будем любить только друг друга и больше никого.

— Да, всегда...»

Они были так бедны, так молоды, так верили в свою удачу, и так любили друг друга, что не могли даже представить, что их что-то может разлучить. Искренне веря, что счастье их не покинет, и так будет всегда. Даже не подозревая о том,

что слово «всегда» может быть таким же печальным и трагичным, как «никогда». Только ещё печальнее и безнадежнее порою.

Ибо счастье Хэдли и Хемингуэя закончилось, когда его, как покорного, глупого молодого бычка, из чужого стойла увела аристократка, богачка, колумнистка журнала «Vogue» — «Вог» Полина Пфайффер. И вот как сам Хемингуэй много лет спустя написал об этом, когда к ним в горы, где они с Хэдли катались на лыжах, живя в городке Шрунс, в Форарльбергских горах, в Австрии, в гостинице «Траубе», не зачастили сумевшие уже почувствовать и оценить удивительный талант Хемингуэя и необычайность его самого, можно сказать, незваные гости:

«Но до того как приехали эти богачи, к нам уже проникли другие богачи, которые прибегли к способу, старому как мир. Он заключается в том, что молодая незамужняя женщина временно становится лучшей подругой молодой замужней женщины, приезжает погостить к мужу и жене, а потом незаметно, невинно и неумолимо делает всё, чтобы женить мужа на себе... Сначала это бодрит и радует, и некоторое время всё так и идёт. Всё по-настоящему плохое начинается с самого невинного. И ты живёшь настоящим днём, наслаждаешься тем, что имеешь, и ни о чём не думаешь. Ты лжёшь, и тебе это отвратительно, и тебя это губит, и каждый день грозит всё большей опасностью, но ты живёшь лишь настоящим днём, как на войне»...

Впрочем, мы немного отвлеклись.

Вернёмся вновь к внучке писателя Марго, которая, по мнению очень многих людей, знавших и её, и её деда, была очень на него похожа. Даже рост у неё был такой же, как у Хемингуэя, 183 сантиметра. Поскольку родители почти не занимались ею, своё детство она провела на ферме деда, как и её младшая сестра Мэриэл, в небольшом, весьма провинциальном городке Кетчум, в штате Айдахо. И вот как она сама писала об этом: «Я была таким маленьким чертёнком в ковбойских сапогах, с улыбкой в пол-лица». Как и её дед, она была независима. Повзрослев, Марго занялась модельным бизнесом. Частенько блистая своей несомненной и необычной красотой на обложках журналов «Вог» и «Тайм». И в семидесятых годах стала первой моделью, подписавшей контракт на миллион долларов. Как и у деда, у неё был крутой характер и тяжёлая рука. Так, живя в Париже со своим первым мужем в конце 70-х, Марго, в присутствии почтенной публики, нанесла сокрушительный удар французской писательнице Франсуазе Саган (1935–2004), когда та назвала Хемингуэя «третьесортным писателем». Впрочем, придя в себя на полу, Саган изменила своё мнение, сказав Марго: «Ваш дедушка был великим писателем». Марго, как и её дед, была любвеобильна и дважды выходила замуж. Хотя, так и не сумела ни с кем создать семью. Бесконечные влюблённости, разводы. И, как итог, ни полноценной семьи, ни детей. Пробовала она себя и в кинематографе. Сыграв, например, главную роль в фильме «Губная помада», вышедшем в 1976 году, в котором роль «второго плана» досталась её младшей сестре Мэриэл, 1961 года рождения, которой на тот момент было только пятнадцать лет. Однако критики единодушно отметили талантливую игру именно Мэриэл, как бы совсем не обратив внимания на весьма, впрочем, посредственную игру Марго. Надо сказать ещё, что Марго, как её дед и её родители, любила выпить. И пристрастилась к этому занятию весьма рано.

Вот как об этом в своих мемуарах, вышедших в 2015 году, написала младшая сестра Марго Мэриэл: «Наше детство было действительно непростым. Отец и мать были алкоголиками, устраивали бурные скандалы, орали, били посуду...» А

чуть раньше в её документальном фильме «Убегая от безумия», вышедшем в 2013 году, она показала фрагменты видеодневника Марго, в котором та описывала, как тяжело ей было бороться со своими демонами: «Я напивалась до бессознательного состояния, потом приходила в себя и думала о том, как лучше покончить с жизнью...»

Марго была несомненно красива и породиста до определённого момента. И когда у неё спрашивали удостоверение личности, она обычно отвечала: «Зачем мне удостоверение личности, когда со мной мои брови?» А брови у неё были действительно очаровательны.

Однако некоторые пагубные для безупречной женской красоты зависимости (алкоголь и лишний вес), в конце концов, поработили «Великолепную Марго». Отчего её перестали снимать в фильмах и для светских журналов. К сорока годам она выглядела на десяток лет старше своих сверстниц. И после очередного лечения от алкоголизма она приняла участие в передаче о людях, вернувшихся к нормальной жизни. Во время передачи, отвечая на какой-то вопрос ведущего, она вдруг расплакалась, с трудом проговорила: «Я побывала в аду и теперь возвращаюсь обратно. А если не смогу, то в запасе у меня всегда остаётся самоубийство. Иногда мне кажется, что это не самый худший выход...»

И, увы, мы вынуждены констатировать, что в определённый момент очередная депрессия одержала верх. И 1 июля 1996 года, в возрасте 42 лет, она приняла в своей небольшой квартирке в Санта-Монике, штат Калифорния, смертельную дозу снотворного. Её прах был похоронен на семейном участке Хемингуэев, на кладбище в Кетчуме, штат Айдахо, где она провела всё своё беззаботное детство, будучи любимой внучкой своего деда, честь которого она всегда отстаивала, порою и кулаками. И теперь её, как и её деда, борьба с демонической силой, съедающей её изнутри, была окончена.

А во время поминальной службы один из её друзей сказал: «Я верю в реинкарнацию. После её смерти где-то в Африке наверняка появился *гепард с глазами Марго...*»

Косвенная причастность

Я уже говорил о том, что тяга к суициду в роду Хемингуэев распространялась, словно неизлечимая, и притом заразная, болезнь. Причём она «заражала» не только родственников, но и других людей, так или иначе общающихся с Хемингуэем. Будто бы попадая в невидимую паутину.

Я хочу коснуться двух жён писателя — второй и третьей, и его сына Грегори, от второй жены Полин Пфайффер, которого все звали «Гиги». А также последней платонической любви Хемингуэя — юной графини Адрианы Иванчич, с которой писатель познакомился в Венеции в 1948 году, когда ей было восемнадцать, а ему самому пятьдесят. Об этой печальной любви он впоследствии напишет весьма путаный и откровенно слабый роман «За рекой, в тени деревьев», представив себя в нём в виде полковника американской армии Ричарда Контуэлла, а Адриану выведя под именем Рената.

Дело в том, что его третья жена Марта Гелхорн и Адриана Иванчич также покончили с собой. И, так или иначе, в какой-то мере, пусть и косвенно, в судьбах обеих женщин не обошлось, по-видимому, без психологического, не давления, но

влияния на их поступки нашего героя. А ещё две смерти — его второй жены и их сына Гиги, пусть и по касательной, тоже в какой-то мере, как мне кажется, соприскаются в чём-то с влиянием на них Хемингуэя.

Итак, второй женой писателя стала Паулина (или Полин) Пфайффер (1895–1951), умыкнувшая Эрнеста у первой его жены Хэдли, с которой Хемингуэй прожил с 1927 по 1940 год.

В 1926 году Хемингуэй, называвший своё большое сердце «мишенью для шальных стрел», вроде бы влюбился в Паулину Пфайффер, дочь состоятельных американских католиков, корреспондентку журнала «Вог». А Хэдли кто-то из «доброжелателей», кажется, близкая подруга Полин, сообщила, что у её мужа роман с Пфайффер.

И хотя Хэдли видела, что Хемингуэй не хочет разрыва их отношений, она сама пошла на разрыв, покинув Хемингуэя и подав на развод. А когда её спрашивали, почему она это сделала, причём так стремительно, она неизменно отвечала: «Я страшно устала...» И в этом случае с её стороны, скорее всего, не было никакого притворства и преувеличения, ведь она была старше своего невероятно энергичного, и ненасытного во многих отношениях мужа на восемь лет. Ну и, конечно же, не могла простить Эрнесту, которого, несомненно, любила, его Иудин грех — грех предательства. Хотя многие считали, что если бы Хэдли сама не оставила Хемингуэя, всё бы несомненно уладилось...

Чему есть, кстати, и косвенные подтверждения — слова самого Хемингуэя. Он, в частности, не раз говорил и писал об этом, что «лучше переболеть оспой, чем влюбиться в другую женщину, когда любишь ту, которая у тебя есть».

Тем временем развод с Хэдли был всё-таки оформлен, хотя сам Хемингуэй считал его «великим грехом» своей жизни. И 10 мая 1927 года Хемингуэй обвенчался с Полиной, которая тоже была на четыре года старше него, в парижской церкви Пасси. Так как она была ревностной католичкой (что не помешало ей, тем не менее, увести чужого мужа), то и ему пришлось принять католичество. Свой медовый месяц они решили провести в маленькой рыбацкой деревушке. Однако во время медового месяца Хемингуэй вдруг обнаружил, что не может исполнять свои супружеские обязанности. С чем у него никогда никаких проблем не бывало. По совету своей новой жены он отправился в церковь, стал усердно молиться, и, удивительное дело, это помогло. «Тогда-то я и сделался католиком», — вспоминал впоследствии Хемингуэй. Правда, скорее всего, лишь формальным католиком, особо не исполняющим какие-то католические обряды, и не посещающим регулярно костёл...

Более того, на мой взгляд, в данной деликатной ситуации всё было значительно проще, и в то же время, сложнее. Очевидно, он всё ещё продолжал любить Хэдли. О чем, даже много лет спустя, трезво проанализировав ту ситуацию в своей чудесной книге «Праздник, который всегда с тобой», в новелле «Конец одного увлечения» напишет:

«...В то время я уже знал, что, когда что-то кончается в жизни, будь то плохое или хорошее, остаётся пустота. Но пустота, оставшаяся после плохого, заполняется сама собой. Пустоту же после чего-то хорошего можно заполнить, только отыскав что-то лучшее...» Однако уверенности в том, что вторая его жена лучше первой, у Хемингуэя, скорее всего, как раз и не было.

И вот как сам Хемингуэй в новелле «Париж никогда не кончается», в книге «Праздник, который всегда с тобой» написал о том периоде своей жизни с Хэдли: «Когда мы жили в Шрунсе... мы спали, прижавшись друг к другу в большой

кровати под пуховой периной, а окна были открыты, и звёзды были такие близкие и яркие.

* * *

Когда мы проводили наш последний год в горах, в нашу жизнь уже глубоко вошли новые люди и всё переменялось... Это был год, когда туда явились богачи...

Те, чьё счастье и успешная работа привлекают людей, обычно неопытны и наивны. Они не умеют противостоять напору и не умеют вовремя уйти. У них не всегда есть защита от добрых, милых, обаятельных, благородных, чутких богачей, которые так скоро завоёвывают любовь, лишены недостатков, каждый день превращают в фиесту, а насытившись, уходят дальше, оставляя позади мёртвую пустыню, какой не оставляли копыта коней Аттилы.

* * *

Поддавшись обаянию этих богачей, я стал доверчивым и глупым, как пойнтер, который готов идти за любым человеком с ружьём...

Я даже прочёл вслух отрывок из романа, над которым работал, а ниже этого никакой писатель пасть не может.

Когда они говорили: «Это гениально, Эрнест. Правда, гениально. Вы просто не понимаете, что это такое», — я радостно вилял хвостом и нырял в представление о жизни как о непрерывной фиесте, рассчитывая вынести на берег какую-нибудь прелестную палку, вместо того чтобы подумать: «Этим сукиным детям роман нравится — что же в нём плохо?» Я так бы и подумал, если бы вёл себя как профессионал, но если бы я вёл себя как профессионал, я никогда бы не стал читать им роман».

А вот как проникновенно он описал встречу с Хэдли, которая называла его Тэти, когда вернулся из Парижа в горы к ней и сыну, уже окончательно запутавшись в своих отношениях с Полин:

«— Ах, Тэти, — сказала она, когда я обнял её, — ты вернулся, и ты так хорошо съездил. Я люблю тебя, и мы с Бэмби очень без тебя скучали.

Я любил только её и никого больше, и пока мы оставались вдвоём, жизнь была снова волшебной. Я хорошо работал, мы уходили в дальние прогулки, и я думал, что мы снова неуязвимы...»

* * *

Впоследствии, когда Хемингуэй в очередной раз влюбился, теперь уже в Мар-ту Гелхорн, Полин, узнавшая про это, грозилась мужу выброситься с балкона. На что Хемингуэй жаловался в письмах своей первой жене Хэдли. Впоследствии Полин как будто бы смирилась с новым увлечением мужа, выразив это следующими словами: «Я не против того, чтобы Эрнест влюбился, но почему он всегда должен на ком-то жениться?!» А когда поняла, что процесс уже необратимый, пришла, в конце концов, к весьма неутешительному, в первую очередь для себя, выводу: «Похоже, любой брак состоит из трёх обязательных компонентов: кражи, обладания и расплаты». А сам Хемингуэй, впрочем, почти как всегда, скажет более точно и более талантливо: «Любовь старое слово. Каждый в него вкладывает то, что ему по плечу».

Но, пока что, Хемингуэй и Пфайффер поселились в городке Ки-Уэст, на одноимённом маленьком острове в Атлантическом океане, штат Флорида, где Полина ещё в конце 1920-х приобрела дом. А впоследствии, правда, не без проблем, родила и двух сыновей — Патрика и Грегори. Впрочем, отец виделся с ними лишь урывками, когда наезжал домой после своих экспедиций, рыбалок или охоты. Когда-то Хемингуэй посетил Испанию и написал несколько репортажей о бое быков и свой первый роман «Фиеста», увидевший свет в 1926 году. Теперь же он регулярно возвращался в эту страну уже для того, чтобы поведать своим читателям о гражданской войне. И там же, уже 1937 году он снова встретился со своей будущей третьей женой Мартой Гелхорн, теперь — военным корреспондентом, а не девушкой из Голливуда, какой она показалась ему в первый раз.

У них закрутился роман. И в 1939 году Хемингуэй уехал от Полин, подав на развод и поселившись с Мартой в гаванской гостинице, чуть ли не более ужасной по неустройству, чем мадридская, в которой они жили, описывая Гражданскую войну в Испании.

А между тем, Полин развода не давала. И этот бракоразводный процесс для Хемингуэя был долгим и мучительным. И весьма затратным. Полин удалось получить от Хемингуэя кучу денег, чем она, в конечном итоге, и удовлетворилась. А Хемингуэй писал по этому поводу своему другу: «Мой тебе совет: женись как можно реже, и никогда не женись на богатой сучке».

Кстати, в своём рассказе «Снега Килиманджаро», вышедшем в 1936 году, он очень наглядно описал такую «богатую сучку», выведя её в виде героини рассказа Хелен, жены писателя Гарри Смита, фактически ожидающего смерти от гангрены на сафари в Африке, и размышляющего об упущенных возможностях и поисках смысла жизни. Иногда делающего весьма самокритичные выводы. Например, такой: «Любовь навозная куча, а я петух, который взобрался на неё и кричит кукареку!» Что же касается богатых, то герой рассказа Гарри, фактически сам Хемингуэй, приходит к следующему выводу: «Богатые — скучный народ». И, судя по этому рассказу, раздражение по отношению к его второй жене копилось в душе Хемингуэя уже давно.

Но, так или иначе, 4 ноября 1940 года Хемингуэй получил от Полин развод. И женился на Гелхорн.

Но, не будем забегать далеко вперёд и продолжим повествование о Полин Пфайффер, её муже Хемингуэе и их младшем сыне Грегоре — Гиге (1931–2001).

После развода с Хемингуэем она провела остаток жизни в Ки-Уэст, частенько посещая Калифорнию. Умерла в возрасте 56 лет, 1 октября 1951 года в Голливуде, Лос-Анджелес.

Существует версия, что её смерть была связана с острым шоком, вызванным двумя причинами. Арестом её сына Грегори и последовавшим после этого недружественным звонком Хемингуэя, грубо наоравшим на свою бывшую жену.

Арест Грегори, их младшего сына, в 1951 году произошёл в женском туалете кинотеатра, куда он проник. И, кроме того, у него были обнаружены наркотики. Дело в том, что Грегори Хемингуэй всю жизнь сталкивался с проблемой половой идентичности, считая себя то женщиной, то мужчиной, из-за чего его психологическое состояние оставляло желать лучшего...

Но всё в свою пору, дорогой читатель. А пока что, будем придерживаться хронологии событий.

Третьей женой писателя, как мы уже упомянули, стала Марта Гелхорн (1908–1998 г.), военный корреспондент, брак с которой продлился с 1940 по 1945

год. И она, кстати, вторая после Хэдли, из всех четырёх жён Хемингуэя, уже изрядно избалованного славой и деньгами, ушла от него. Чего, по своей невероятной гордыне, соизмеримой разве что с гордыней капитана Ахава из романа Германа Мелвилла (1819–1891) «Моби Дик», Хемингуэй стерпеть не мог, начав, причём довольно мелко, на мой взгляд, мстить, а точнее пакостить Марте, покинувшей его. Но, попытаемся проанализировать их непростые отношения, так сказать, с истоков.

Две пощёчины в двух Флоридах

Первая встреча Хемингуэя и Марты состоялось в 1936 году в одном из баров Флориды, куда она со своей матерью и братом приехала отдохнуть. Там, в одном из баров, Марта и увидела «крупного неопрятного мужчину в грязных белых шортах и рубашке». Этим мужчиной оказался Хемингуэй, который сразу заметил в баре очаровательную девушку в чёрном платье, с внешностью голливудской звезды.

Они разговорились. Речь зашла о гражданской войне в Испании, где Хемингуэй уже успел побывать. А Марта только строила планы на свою дальнейшую жизнь...

— Я тоже поеду в Испанию, — заявила она Хемингуэю. А когда писатель попытался облапить её, отвесила ему звонкую оплеуху.

По иронии судьбы, в 1937 году они снова встретились во «Флориде». Но теперь уже — отеле в Мадриде, где жили военные корреспонденты из многих стран, освещающие ход гражданской войны в Испании. И где Марта впервые увидела воочию все ужасы войны, которые она охарактеризовала позднее как «Кровавое Фламенко». Ошмётки тел мужчин, женщин, детей в лужах крови на мадридских улицах после налёта бомбардировщиков. От всех этих ужасающих картин Марта чуть не потеряла рассудок. Ворвавшись в отель, она в истерике начала биться головой о предметы, попадающиеся ей на пути. И тут перед ней возник Хемингуэй, преградивший ей путь, и вклепавший Марте чувствительную пощёчину, чтобы она пришла в себя. После чего спокойно поинтересовался, кем она себя считает? Военным корреспондентом или истеричной парижской мамзелью? Уведя её затем в свой номер...

Где, со слов Марты, было много виски и секса. О котором она впоследствии напишет так: «Разве сравнится самый страстный роман в мирной жизни с ненасытными, выворачивающими наизнанку нервы ласками под пулями...»

Надо сказать, что потом, на протяжении 60 лет, Марта описывала всевозможные военные действия по всему миру. Говоря о себе: «Я следила за войной везде, где только могла её достичь». Став одной из величайших военных корреспонденток XX века. А с 1999 года в Америке учреждена ещё и ежегодная журналистская «Премия имени Марты Гелхорн».

Впрочем, всё это будет значительно позже. А пока страстный роман Хемингуэя и Марты, как мы уже выше упомянули, перерос в их брак. И в 1940 году 28-летняя Марта вышла замуж за 41-летнего Хемингуэя.

Супруги отправились на Кубу, где Марта, не желавшая жить в гостинице, посмотрела полуразвалившуюся усадьбу Финка-Вихия, и привела её за свой счёт в порядок. Затем радушно принимая в этом их доме сыновей мужа. Однако вскоре жизнь прилежной домашней хозяйки ей наскучила, и она вновь, в который уже

раз, засобиравалась в Европу, к месту военных действий начинающейся там новой войны. Подписав солидный контракт с журналом «Кольерс» на несколько тысяч долларов, поскольку не желала быть зависимой от мужа в материальном отношении. Отправившись в Европу освещать начавшуюся там войну между СССР и Финляндией, продлившуюся с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года и получившую название «Зимняя война». На сей раз, в Хельсинки, Марта попала уже не под бомбы генерала Франко, а под советские.

А Хемингуэй жаловался друзьям, что она его бросила ради журналистского тщеславия. Сказав о ней впоследствии: «Она самая честолюбивая женщина из всех, что жили на земле».

К счастью эта война, хоть и с большими жертвами, продлилась недолго и вскоре закончилась мирным договором, а Марта вернулась на Кубу. Их отношения с Хемингуэем наладились, и он даже посвятил своей жене роман «По ком звонит колокол», вышедший в октябре 1940 года.

Более того, в феврале 1941 года он, в качестве обычного сопровождающего, отправился вместе с Мартой в Китай, к месту военных действий, к войскам Чан Кай Ши, которого поддерживала Япония, не скрывающая своей враждебности к США.

Поездка оказалась очень тяжёлой и опасной. И Хемингуэй предложил Марте уgomониться. А если уж писать военные репортажи, то под фамилией Хемингуэй. Однако ни того, ни другого не произошло. Марта была строптива. Да и усидеть на месте, когда назревала уже новая война в Европе, она не желала, собравшись снова отправиться туда. Так что вскоре у супругов начались неизбежные ссоры.

Хемингуэй, во всём привыкший первенствовать, предложил ей отказаться от очередной поездки в Европу. Марта не согласилась. Тогда он довольно грубо и резко высказал ей свою позицию на её место в их семейной иерархии: «Мне нужна жена, а не солдат...»

Что вышло из этих требований Хемингуэя, нагляднее всего, по-моему, характеризует интервью Марты Гелхорн, данное ею в начале 1970-х годов в Москве Серге Микояну. Сыну Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978), видного политического деятеля нашей страны, начавшего свою карьеру при Владимире Ильиче Ленине, успешно продолжившего её при Сталине и Хрущёве — развенчателе «культы личности» «Вождя всех народов» — Сталина. И закончившего свою карьеру при Леониде Ильиче Брежневе, в связи с чем о нём в народе сочинили такую присказку: «От Ильича до Ильича — без инфаркта и паралича». А это, в свою очередь, может говорить и о том, что и его сын мог обладать подобными выдающимися способностями, поскольку единственный из всех советских журналистов смог взять интервью у посетившей Советский Союз Марты Гелхорн, причём в частной обстановке, в квартире своего приятеля, американского журналиста, старожила Москвы Эдмунда Стивенса. И вот как Серго всё это отобразил в своём интервью:

«Весь следующий день мы провели фактически вместе и, естественно, о многом беседовали. Резкая, самоуверенная, несколько вульгарная женщина. (Очень тонкое, на мой взгляд, замечание. Но Хемингуэю, по-видимому, нравились именно такие женщины. Ведь и героиня его первого романа «Фиеста», изданного в 1926 году, леди Брет Эшли, в которую был влюблён главный герой романа Джейк Барнс, списанный с самого автора, а леди Брет Эшли — с леди Дафф Твисден, с которой у самого Хемингуэя были весьма странные отношения, и которая гово-

рила о нём, что: «Слабость Хемингуэя — это его жена и ребёнок», была именно такой.) Она, прежде всего, отказалась давать какое-либо интервью о Хемингуэе. Но в конце концов разговорилась. И меня удивила её до сих пор не утихшая враждебность к бывшему мужу. (Ведь с Хэдли Ричардсон и Полин Пфайффер у Хемингуэя сохранялись более-менее добрые отношения.) Среди прочего она высказала мнение, что он был трусом и весьма средним писателем, «пожалуй, ему удавались лишь диалоги. А как журналиста я не могла его вытащить в «горячие точки». Тут я перебил её и спросил:

— Как же так, вы ведь как раз вернулись с ним из Испании на Кубу из самой что ни есть «горячей точки», и он засел за роман «По ком звонит колокол». Причём тут журналистика?

— Да, — сказала она, — он привёз меня в Гавану, поначалу мы жили в разных отелях, потом решили купить дом. И это именно я нашла ту усадьбу Финка-Вихия, куда он потом привёз эту пустышку Мэри (Мэри Уэлш — четвёртая жена Хемингуэя)... Ладно, это так, к слову. Вскоре после того, как мы переехали в свой дом, началась война между СССР и Финляндией. Я договорилась с журналом «Кольерс», что они мне заплатят несколько тысяч долларов за репортажи из Финляндии. Предложила и ему тоже поехать. Он не только не сделал этого, но ещё был страшно недоволен, что я туда еду. Пытался мне не разрешить! *Да только я не из таких, которые спрашивают разрешения!*

— Марта, по-моему, совершенно ясно, что он не хотел попасть на эту войну. Да ещё на стороне Финляндии, которой правил Маннергейм, столь близкий Гитлеру.

— Ну ладно, об его отношении к СССР я знаю и без вас. Допустим, это была для него «не та война»...

— Но он же писал роман, может быть, лучший в его жизни. Зачем же надо было бросать роман и кидаться в журналистику? Почему вы хотели подчинить его своим интересам?

— *Чёрта с два его подчинишь!..»*

В этом интервью, достаточно большой отрывок из которого я привёл тут, есть, как минимум, два очень важных высказывания. И говорят они о том, что и Марта, и Хемингуэй были невероятно упрямы, и переубедить их было практически невозможно. И их связь — это, в какой-то мере, любовь — соперничество и противостояние двух по-своему талантливых людей. И ещё. Если Марте было всё равно куда ехать, лишь бы там шла война, то Хемингуэй, к его чести, имел свои принципы, и не мог им изменить, всю свою жизнь борясь с фашизмом во всех его проявлениях, где бы он ни начал произрастать.

После своего разрыва с Мартой Хемингуэй больше никогда не виделся и не переписывался с ней, считая их брак огромной ошибкой для себя. Хотя всегда и признавал, что она была отважна, как львица, и хорошо относилась к его сыновьям.

И ещё интересно сравнить здесь отношения Хемингуэя со всеми его четырьмя жёнами.

Я думаю, что с Хэдли — это была обычная настоящая любовь и идиллия, поскольку она излечила его первого неудачного, и очень болезненного для него, опыта первой любви к Агнессе фон Куровски.

Вторая жена Хемингуэя Полин Пфайффер считала, что они с Хемингуэем «одно целое», но ошиблась в этом. Идиллии не получилось.

Марта Гелхорн — это постоянное, и именно профессиональное, соперничество.

С Мэри Уэлш, которую Марта обозвала пустышкой, их отношения с Хемингуэем, с её стороны были, скорее, жертвой. Поскольку ради мужа она отказалась ото всех своих амбиций. И она всегда старалась оберегать честь мужа, даже в таком деликатном вопросе, как его самоубийство, ей, в той или иной мере, удавалось до 1966 года скрывать правду. Выдавая всё за несчастный случай...

Но продолжим о Марте и их непростых отношениях с Хемингуэем.

Она, всё-таки, укатила в Европу. Тогда, разозлённый её непокорностью, супруг послал ей вдогонку письмо, в котором ставил жене, фактически, ультиматум: «Или ты корреспондент на этой войне, или женщина в моей постели...» Однако, ультиматум мужа произвёл на Марту совсем не то впечатление, на которое рассчитывал Хемингуэй. Она выбрала войну, и к мужу не вернулась. Ведь она была именно военным корреспондентом, и не могла уже жить без этого чувства почти постоянной опасности и риска. Уверенная в том, что подобные чувства присущи и Хемингуэю, в чём она не раз убеждалась, когда они вместе с ним отправлялись на передовую, писать очередной репортаж. И где война в Испании сделала их союзниками, любовниками и супругами. Теперь же война развела их, сделав непримиримыми соперниками. Тем более что Марта не скрывала своих мыслей по поводу их разваливающегося брака, не раз говоря о муже: «Я была писателем до того, как встретила его, и после того, как бросила. Почему я должна быть всего лишь сноской в биографии Хемингуэя?»

Вынести такой публичной пощёчины Хемингуэй не мог и не хотел. Решив отомстить жене и, в конечном итоге, принудить её, если и не к возвращению, то хотя бы к раскаянию.

Впрочем, сделал он это, надо сказать, весьма иезуитским способом, устроившись в 1944 году в тот же журнал (и тоже военным корреспондентом), где работала Марта. А поскольку от каждого издательства на фронт мог быть командирован только один человек, журнал предпочёл сделать своим военным корреспондентом известного писателя Хемингуэя, не без основания полагая, что тиражи журнала от этого могут вырасти.

К тому времени постоянно пикирующиеся между собой супруги уже перебрались в Лондон, где почти не виделись друг с другом, ожидая открытия второго фронта. А вскоре Марта вообще ушла от Эрнеста, с горечью сказав ему на прощание, что семь лет, проведённых вместе, были для неё годами рабства у самого жестокого из рабовладельцев.

Хемингуэй, впрочем, не очень-то расстроился от таких слов, поскольку уже познакомился к тому времени с женщиной, которой суждено было стать его четвёртой и последней женой. Похожая на мальчишку-сорванца Мэри Уэлш была замужем и работала в Лондоне собственным корреспондентом журналов «Тайм» и «Лайф». Тем не менее, едва ли не при первой же встрече Эрнест заявил ей: «Я знаю, кто вы такая, но хочу сейчас же жениться на вас».

В августе 1944 года, после освобождения Парижа, Мери последовала туда вместе Хемингуэем, где они поселились в отеле «Риц».

В этом отеле Мэри дано было понять, что в их доме не только один писатель, но и один хозяин. Когда Мэри взбунтовалась было против постоянного пьянства мужа и беспутства его военных приятелей в гостинице, где они жили, Эрнест её ударил. Что случилось у него и с Мартой.

А вскоре уже зрелый писатель во второй раз в жизни почувствовал, что мужская сила оставила его. Хемингуэй в смятении вернулся на Кубу и, лишь через какое-то время, вызвал туда свою новую супругу, предложив ей стать хозяйкой его дома...

Весной 1945 года Мэри приехала в кубинский дом Хемингуэя.

Увиденное там подействовало на неё удручающе. Несмотря на присутствие 13 слуг (четверо из которых были садовниками) дом был в запустении. В нём жило 20 не слишком опрятных кошек, вода в бассейне не фильтровалась, а заливалась хлоркой.

В отличие от Марты Мери смогла пожертвовать своей карьерой, научилась охотиться и ловить рыбу. Но это не уберегло её от крутого нрава мужа, жестоких оскорблений и вспышек ярости, объектом которых, прежде всего, становилась жена. Несколько раз Мэри грозилась покинуть мужа, но он в ответ угрожал ей самоубийством и таким малодостойным образом продолжал удерживать супругу. «Он хочет, чтобы все женщины были, как индианки, — записала Мэри в своём дневнике, — раскованные в постели, и рабски покорные в быту».

Пожалуй, стоит упомянуть, что свой первый сексуальный опыт, в весьма юном возрасте (лет в 12–14) Хемингуэй приобрёл именно от девочки индианки, сестры своего приятеля, с которым они вместе ходили на охоту, поскольку мальчик Эрнест (а в рассказе — Ник Адамс) имел уже своё ружьё, подаренное ему дедом к его 12-летию. И которое он мог одолжить брату индианки Билли, чтобы он пошёл охотиться, а они с его сестрой Труди стали заниматься любовью. Всё это как раз и описано в автобиографическом рассказе Хемингуэя «Отцы и дети», помещённом в его книге «Победитель не получает ничего», вышедшей в 1933 году.

Но, вернёмся к Мэри.

Ей, в отличие от Хэдли, кое-как, но удавалось всё-таки мириться с «измена-ми» Эрнеста, пусть и платоническими порой. Так, например, когда супруги жили в Париже, Хемингуэй, не скрывая того, всюю, по словам Мэри, «ухлёстывал за Марлен Дитрих», с которой познакомился ещё в 1934 году, во время плавания через Атлантику в Америку, на борту американского лайнера «Иль де Франс». На нём знаменитая актриса направлялась в Голливуд. А Хемингуэй, через Париж, возвращался в Штаты после сафари в Африке.

Их знакомство состоялось на званом ужине на корабле, который устраивала жена всесильного кинопродюсера «Уорнер Бразерс» Джека Уорнера Энн Уорнер. В числе приглашённых была и Марлен Дитрих, которая к тому времени считалась не только великолепной актрисой, но и невероятно соблазнительной женщиной, «Клеопатрой XX века».

Когда Марлен, немного задержавшись в своей каюте, подошла к сервированному столу, она обнаружила, что она будет за ним тринадцатой, хотя несколько свободных мест ещё было.

— Извините, — сказала она, в нерешительности продолжая стоять. — Я очень суеверна, и не хочу быть тринадцатой за этим столом.

— Садитесь, вы будете четырнадцатой, — раздалось из-за её спины. — А тринадцатым буду я, — объявил собравшимся подошедший от стойки бара Хемингуэй, услышав разговор и усаживаясь на свободное место. Хотя до сих пор доподлинно неизвестно, был ли он приглашён на этот ужин...

«Мы полюбили друг друга с первого взгляда, — писал впоследствии Хемингуэй, — но до постели у нас так и не дошло».

Ему вторит и Марлен:

«Я полюбила его с первого взгляда. Любовь моя была возвышенной, чистой, безграничной — такой, наверное, уже и не бывает в этом мире...»

А их роман в письмах, зачастую весьма откровенных и страстных, длился почти тридцать лет, до самой смерти Хемингуэя, которую Марлен Дитрих переживала очень тяжело: «Он был моей «Гибралтарской скалой», — этот титул нравился ему. Прошли годы без него, и каждый год становился больше предыдущего. «Время лечит» — только успокаивающие слова, это неправда, хотя я и хотела бы, чтоб это было именно так».

А внук Марлен Дитрих Питер Рива напишет об их, для кого-то, может быть, и странноватой, любви так: «Самое прекрасное в их отношениях, что они никогда не были любовниками. Ведь здесь речь идёт именно о любви, а не о сексе». И, пожалуй, он прав.

Действительно их любовь на многие годы оставалась платонической. И поддерживалась, в основном, поскольку они виделись друг с другом не более десяти раз, при помощи эпистолярного жанра — в письмах, которые они посылали друг другу.

Кстати, письма Хемингуэя к ней Марлен хранила в банковской ячейке, не показывая никому. Они были опубликованы только в 2007 году, через пятнадцать лет после её смерти...

И вот лишь некоторые выдержки из них, самые значительные на мой взгляд:

«Высшее счастье знать, что счастлив тот, кого любишь...»

«Я забываю о тебе иногда, как забываю, что бьётся моё сердце...»

Мне кажется, что небезынтересным будет вспомнить здесь ещё об одном очень хорошем писателе, Эрике Марии Ремарке (1898–1970), почти одногодке Хемингуэя. Из того же «потерянного поколения», как говорила о них, людях, участвующих в Первой мировой войне, Гертруда Стайн. В их биографиях много схожего, кроме финала. А к тому же, они оба были влюблены в Марлен Дитрих. И жизни обоих этих писателей шли, как бы, некоторыми параллельными векторами...